

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СКИФЫ
ХАЗАРЫ
СЛАВЯНЕ
ДРЕВНЯЯ РУСЬ**

**Международная научная конференция,
посвященная 100-летию со дня рождения
профессора Михаила Илларионовича Артамонова**

Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.
Тезисы докладов

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
1998

на которую указывает единственное совпадение параллелей – скифы пришли в Приднепровье из южного Узбекистана. Наконец, нельзя исключить, что различия между двумя группами скифов вызваны не историческими, а случайными причинами (например, концентрацией родственников в пределах каждой из них).

Если верно последнее предположение, то обе серии следует объединить. Суммарная скифская группа максимально близка к окуневцам Тувы и к обеим группам бронзового века из южного Узбекистана.

И. И. Гохман (1980) справедливо предположил, что носители окуневской культуры Тувы, совершенно не похожие на окуневцев Минусинской котловины, могли быть родственны населению Средней Азии. То же самое можно было бы повторить по отношению к скифам, независимо от того, идет ли речь о суммарной группе или же только о степной. Но максимальную близость обе они проявляют именно к тувинским окуневцам. Последние, таким образом, могли быть связаны со скифами и опосредовано, благодаря общему среднеазиатскому происхождению, и непосредственно. Иными словами, если допустить, что скифы (по крайней мере, степные) пришли в Приднепровье извне, то две из теоретически возможных прародин – юг Средней Азии и Центральная Азия – представляются равновероятными.

А. А. Ковалев

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ЧЕРНОГО ИРТЫША (еще раз о джунгарской прародине скифов)

Вопрос о происхождении скифов Геродота („скуда“, „ишкуза“ переднеазиатских источников), если понимать под этим выявление отправного пункта миграции населения, вторгшегося в VII в. до н. э. в степи Северного Причерноморья и Предкавказья, а также в государства Ближнего Востока, может быть решен на археологическом материале единственным образом – выявлением специфических признаков материальной культуры, объединяющих „раннескифские“ памятники Причерноморья, Северного Кавказа, Закавказья, Малой Азии и Ирана, их отличия от „раннескифских“ памятников прилегающих территорий Поволжья, Приуралья, Казахстана, Средней Азии и затем поиск этих признаков в материале более ранних культур. Если такие черты обнаружатся на удаленной территории, эту местность можно будет считать исходной точкой миграции. Определить же направление миграции скифов, исходя из анализа распространения в степях

Евразии сходных мотивов звериного стиля, форм вооружения и конского снаряжения, составляющих т. н. „скифскую триаду”, или модернизированный (Chlenova, 1992) ее вариант, принципиально невозможно, поскольку эти признаки указывают лишь на культурное единство кочевых племен, которое могло складываться каким угодно образом.

В 1987 г. я попытался объяснить распределение захоронений лошадей с уздечными наборами различных типов в Келермесских курганах (Галанина, 1983) с точки зрения гипотезы М. П. Грязнова об этноопределяющем значении типа уздечного набора в материалах „царских” курганов Скифии (Грязнов, 1980), и по аналогии с аржанскими материалами пришел к выводу, что в кургане 1(В) мы имеем дело с захоронениями двух шестерок коней, поднесенных двумя различными этническими образованиями. Считая „восточную” шестерку собственно „скифской”, я предположил, что псалии с костяными навершиями в виде головок баранов и грифобаранов и окончаниями в виде копыт, а также их костяные аналоги являются этноопределяющими признаками скифов, исследуя которые, мы можем проследить на археологическом материале пути передвижения раннескифских племен. Через год после этого такой псалий с головой барана был найден в четырех тысячах километров от региона расселения европейских скифов – в погребении М30 могильника Чаухугоу I на южных склонах Тянь-Шаня (Sun Binggen, Chen Ge, 1988). На материалах более чем 100 уздечных наборов с псалиями указанного типа стало возможным сделать вывод о том, что именно эти предметы – единственный в своем роде массовый материал, который был распространен в VII–VI вв. до н. э. на всех без исключения – и только на тех – территориях, где по данным исторических источников в это время обитали и действовали скифы: северопричерноморские степи и лесостепи, Предкавказье, Закавказье, север Передней Азии. Псалий из Чаухугоу с этой точки зрения мог быть свидетельством происхождения скифов с территории Джунгарии (Ковалев, 1996). Через год после выхода этой последней статьи была опубликована пара трехдычатых костяных псалиев с изображением головы животного на одном конце и конского копыта на другом из кургана 26 мог. Карбан I в Горном Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997). Эта находка существенно укрепила предположение о джунгарской прародине геродотовых скифов.

В то же время находки из Чаухугоу и Карбана не удовлетворяют одному из главнейших наших требований: они не могут быть однозначно датированы временем более ранним, чем вторжение скифов в Переднюю Азию. В лучшем случае можно утверждать, что эти комплексы относятся к „раннескифскому времени” в целом.

Существует, правда, еще одна категория памятников, которая вполне могла быть не представлена на территории Передней Азии и Закавказья, но все же должна считаться специфичным и характерным признаком раннескифской культуры, имеющим этнический характер. Это каменные изваяния, распространенные в Предкавказье, Северном Причерноморье и Крыму. Эти статуарные памятники, имеющие несомненно особый сакральный характер, вполне могли устанавливаться только в местах постоянного обитания кочевников.

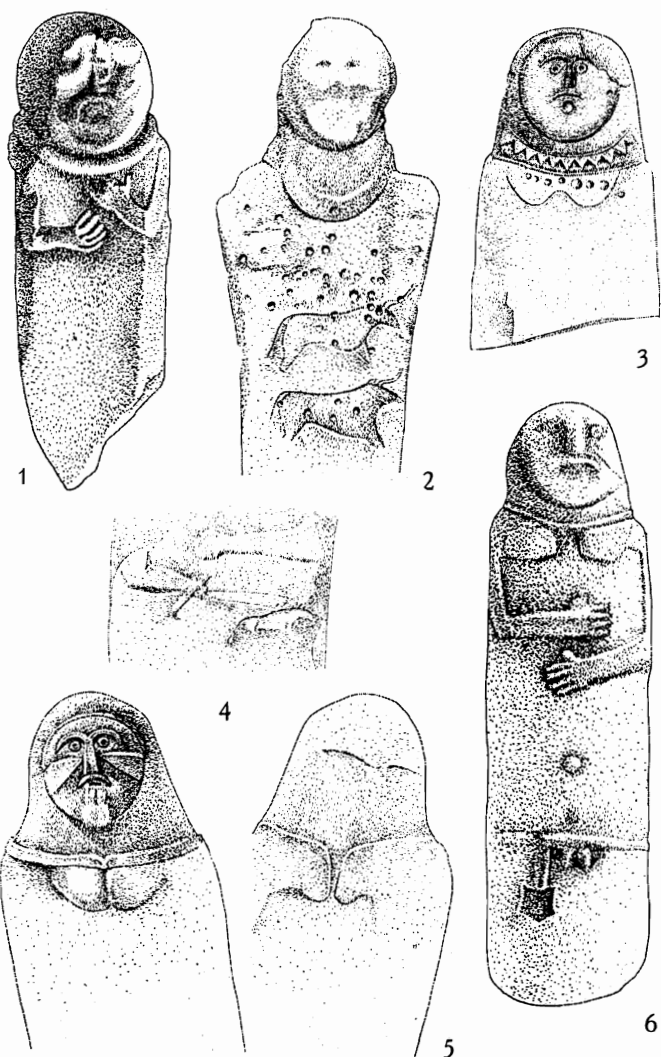
Ранний этап развития скифского монументального искусства, в соответствии с выводами В. С. Ольховского, характеризуется распространением таких морфологических видов, как антропоморфные столбы, антропоморфные плиты и плоская скульптура, воплощающие образ обнаженного мужчины с предметами вооружения. Частым элементом ранних изваяний являются подковообразные усы, руки, моделированные низким рельефом или гравировкой, при отсутствии моделировки шеи. Нижний контур груди подчеркнут, выделены лопатки, углублением показан позвоночный столб. Одним из самых распространенных атрибутов ранних изваяний являются одновитковые шейные гривны, с застежкой сзади, гладкие, реже витые, изображаемые сильновыпуклым рельефом. Лицо часто выделено краем башлыка (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 51–71). Эти изваяния не имеют ничего общего с оленными камнями и иными известными пока статуарными памятниками евразийских степей раннего железного века. Хотя они и смыкаются по ряду существенных признаков с антропоморфами эпохи энеолита–ранней бронзы, напрямую вывести скифскую статуарную традицию из столь древнего культурного контекста невозможно (Членова, 1984).

Как выяснилось, скифская статуарная традиция также уходит корнями в джунгарские степи. К настоящему времени опубликована большая серия каменных изваяний, обнаруженных на южных склонах Алтайских гор, в бассейне Черного Иртыша (Ли Чжен, 1962, 1983; Ван Линьшань, Ван Бо, 1996; Ван Бо, 1996; Ван Бо, Сяо Шаньци, 1996). Часть этих изваяний и связанных с ними погребальных сооружений мне удалось осмотреть в мае 1998 г. Эти антропоморфы не имеют ничего общего с каменными бабами тюркского времени, к которым их еще недавно причисляли (см. напр. Debaine-Francfort, 1989). Как и скифские статуарные памятники, они изображают обнаженную фигуру мужчины в шлеме-башлыке, с серповидными (иногда подковообразными) усами, с невыделенной шеей и головой, как правило, „утопленной” в плечи. На двух изваяниях прослеживаются рисунки лопаток. Практически на всех изваяниях изображена выпуклая гривна. В двух случаях на переднюю грань нанесено изображение

лука. Как и у раннескифских изваяний (в отличие от европейских антропоморфов эпохи бронзы), обнаженная грудь передается выделением нижнего контура грудных мышц.

Большинство этих изваяний стоит у прямоугольных оградок, окружающих погребения в каменных ящиках, которые достигают в плане размеров 2х3 м (каждая стенка сложена из одной плиты). Около 20 таких погребальных памятников было раскопано в 1963 г. на реке Кэрмуци (ныне Чермучек) (И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981; Му Шуньин, Ван Минчжэ, 1986; Ван Линьшань, Ван Бо, 1996; Чэнь Гэ, 1995). Здесь были обнаружены каменные и глиняные сосуды мешковидных и бомбовидных форм (один из глиняных сосудов – с орнаментом, выполненным веревочным штампом), кремневые стрелы, каменный жезл, афанасьевская курильница, что позволяет датировать эти оградки ранним–средним бронзовым веком. При публикации материалов раскопок 1963 г., к сожалению, не было приведено рисунков или фотографий изваяний, связанных с исследованными ящиками. Хотя к настоящему времени почти все такие стелы уничтожены, мне удалось обнаружить и скопировать изваяние, стоявшее у середины восточной стенки раскопанной в 1963 г. оградки М 2 могильника Кэрмуци (по И Маньбаю и Ван Минчжэ) (сооружение 2 „могильника” Кайнарл 2 по Ван Линьшаню и Ван Бо), содержащей два ящика с кремневыми стрелами и каменными сосудами (рис. 3). На изваяниях № 1, 2 из „могильника” Кайнарл 2 (по Ван Линьшаню и Ван Бо), из урочищ Канатас и Актубай (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (Актубай–Кэрмуци № 1 по Ли Чжэну) нанесены чашевидные углубления, относимые, как правило, к эпохе энеолита–средней бронзы (Кубарев, 1979, 1986; Кубарев, Цзвэндорж, 1995) (рис. 2, 3). На нескольких изваяниях нанесены изображения лиц с сердцевидным абрисом, которые датируются временем не позднее бронзового века (Дэвлет, 1997). На изваянии № 3 из могильника Кайнарл 1 (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (Кэрмуци № 6–9 по Ли Чжэну) и изваянии из урочища Актубай (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (Кэрмуци № 1 по Ли Чжэну) изображены (сплошной забивкой) быки с направленными вперед дважды изогнутыми рогами, узкой мордой и хвостом с кисточкой (рис. 2, 4). При этом на изваянии Кайнарл 1 № 3 показаны поводья и ярмо, с помощью которых представленный скульптурой персонаж управляет упряжкой. Такие изображения обычно относят к эпохе средней бронзы (Шер, 1980; Samashev, 1993).

Таким образом, начало статуарной традиции в джунгарских степях можно отнести самое позднее к эпохе средней бронзы, а изваяния из округа Алтай (Синьцзян) считать прототипами более поздних скифских. По многим параметрам алтайские изваяния совпадают с энео-

Каменные изваяния из округа Алтай (Синьцзян, КНР)

1 – Бошубо № 2, уезд Хабахэ (по Ван Линьшань, Ван Бо, 1966); 2 – Актубай (Кэрмуци № 1 по Ли Чжэн, 1962), уезд Алтай (по Ван Линьшань, Ван Бо, 1996); 3 – ограда 2 могильника Кэрмуци по нумерации И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981 (Кайнарл 2 № 2 по нумерации Ван Линьшань, Ван Бо, 1996), уезд Алтай (по эстампажу А. Ковалева); 4 – изображения на изваянии Кайнарл 1 № 3 по нумерации Ван Линьшань, Ван Бо, 1996 (Кэрмуци 6-9 по Ли Чжэну), уезд Алтай (по фотографии А. Ковалева); 5 – Кайнарл 1 № 1 по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо, 1996 (Кэрмуци 6-9 по Ли Чжэну), уезд Алтай (по фотографии А. Ковалева); 6 – Сентас, уезд Хабахэ (по Ван Линьшань, Ван Бо, 1996).

литическими антропоморфами Западной и Восточной Европы, что указывает, видимо, на их западное происхождение. Однако разнообразие форм этих памятников говорит о продолжительности их бытования. Такие признаки алтайских изваяний, как выделенный нижний контур груди, изображение шлема (*башлыка*), выпуклой гривны в комплексе встречаются только на скифских изваяниях. Наиболее похожи на скифские атропоморфы изваяния из Бошубо № 1 и 2 и из Сентас (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (рис. 1, 6). Очевидно, они близки скифским и хронологически и генетически. Изваяние № 2 из Бошубо (по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо) имеет дисковидную голову, подковообразные выпуклые усы, гривну, огибающую плечи полностью – как, чаще всего, на скифских изваяниях, ладони с растопыренными пальцами, а также руки, которые начинаются на боковых гранях, что обычно для раннескифских стел. Изваяние из урочища Сентас также показывает руки с растопыренными пальцами, начинающиеся на боковых гранях, а кроме того имеет характерную фаллообразную форму, как многие раннескифские изваяния. На нем, как и на скифских памятниках, изображен пояс с подвешенными к нему предметами, и, видимо, гениталии.

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

М. Т. Кашуба

НАЧАЛО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ И КУЛЬТУРА САХАРНА

Одной из территорий „археологических интересов” М. И. Артамонова была лесостепная часть бассейна Днестра. Здесь, в Буго-Днестровском междуречье, в 1946–1954 гг. среди прочих памятников впервые были открыты и обследованы предскифские местонахождения (Артамонов, 1948, 1949, 1955). Своеобразие последних обуславливалось их промежуточным (и связующим) положением между синхронными памятниками Молдовы (культура Сахарна) и Правобережной Украины (чернолесская культура) (Смирнова, 1954).

Расширение источниковедческой базы в 70–80 гг. позволило предскифские памятники Среднего Днестра не только отнести к позднечернолесской культуре, но и уточнить, что выявленные экспедицией М. И. Артамонова местонахождения составляют южный григоровский вариант последней, который сложился под непосредственным влиянием культуры Сахарна (Смирнова, 1983, 1984; Смирнова, Кашуба, 1988).